

«СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА – ДЖИХАД» КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Искандер Аязович Гилязов

Казанский федеральный университет, Казань

На первый взгляд, сочетание слов «джихад» и «Германия» представляется несколько экзотичным. Казалось бы, какое отношение имеет одна из европейских держав, позиционирующая себя как одного из представителей христианской цивилизации, к идее «священной войны» – джихада, которая является составной частью мусульманского мировоззрения? На поверку оказывается, что такое сочетание в годы Первой мировой войны оказалось далеко не случайным. Оно имело как свои корни и предпосылки, так и реальное воплощение в практической военной, политической и дипломатической деятельности Германии.

В ходе войны Германия намеревалась с максимальной выгодой для себя использовать национально-конфессиональные и социальные противоречия в колониально зависимых странах и областях стран Антанты: Азии, Африки, Кавказа, Восточной Европы и Индии. Для достижения этой цели был разработан целый план «революционизации» мусульманского населения названных территорий с помощью панисламистской пропаганды.

Концепция «революционизации» опиралась на идею «священной войны» – «джихада», посредством которого предполагалось поднять мусульманский мир против иностранного господства. Возникновение идеи было связано с широко распространенными убеждениями об исламе, движении панисламизма как агрессивном течении и связанного с этим восприятия ислама в качестве воинственной религии. Главную роль при «революционизации» мусульман должна была выполнять Османская империя, монарх которой носил титул халифа, т. е. верховного духовного авторитета мусульман

мира. Втягивая Османскую империю в войну, Германия надеялась использовать авторитет султана для воздействия на мусульманские массы в интересах собственной политики: призыв султана к «джихаду» всех мусульман против христианских завоевателей и колонизаторов в понимании германских стратегов должен был создать внутренние затруднения для держав Антанты, которые насчитывали у себя миллионы подданных-мусульман. Османскому правительству идея «джихада» открывала хорошие перспективы для расширения собственной власти и представлялась в качестве оружия, которое позволит им сплотить сильно ослабленную империю и восстановить ее былую мощь.

Турция вступила в войну на стороне австро-германского блока в ноябре 1914 г. с объявлением «священной войны» против Англии, Франции и России. Немецкие пропагандистские организации, действовавшие как в Германии и Турции, так и в областях устремления германской экспансии – на Кавказе, в Азии, Африки, Восточной Европе и Индии – прилагали немалые усилия для формирования общемусульманского движения всемирного масштаба под эгидой легендарной фигуры в исламском мире – османского султана. Покровительство мусульманской «священной войне» со стороны христианской державы – Германии, объяснялось тем, что немецкий кайзер с большим уважением относится к исламу, испытывает бескорыстные дружеские чувства к мусульманам и хочет освободить их от гнета христианских завоевателей. Призыв султана к «священной войне» был обращен в том числе и к мусульманам России и предписал им подняться на борьбу против российской власти, которая, как отмечалась в фетве султана, вместе с Англией и Францией прилагала все усилия к тому, чтобы «погасить высокий свет Ислама». Эта политическая акция заметно обострила ситуацию в России, поставив российских мусульман перед сложнейшим выбором и усилив антимусульманские настроения в российской верхушке. Ориентированность российских мусульман на Турцию как на исторический центр мусульманского мира было естественным явлением, но даже это не стало решающим фактором в выборе мусульман, которым, как известно, уже не раз приходилось воевать против турок и которые и на этот раз пополнили ряды российской армии. Обвинения российских мусульман в панисламизме, пантюркизме и сепаратизме, многочисленные проявления подозрительности по отношению к ним в то время, когда тысячи мусульманских солдат проливали кровь на войне и демонстрировали свой героизм, только углубляли национальные противоречия в России, тем самым обнадеживая германских стратегов в успехе.

Внешнеполитический курс Германской империи при Вильгельме II был направлен на активное сближение с Османской империей. С приобретением

концессии на постройку Анатолийской железной дороги в 1888 г. и заключением немецко-турецкого торгового договора в 1890 г. Турция оказалась в центре империалистических интересов Германии [см. о немецкой политике в Турции: Иванов, 2005; Петросян, 1990; Fischer, 1961; Fröhlich, 1990; Hagen, 1988; Kampen, 1968; Kröger, 1994; Schwanitz, 2004] и рассматривалась как «восходящий полумесяц» [Kampen, 1968, S. 44], позволяющий надеяться на многообещающий союз Германии с исламом. Германия была заинтересована в том, чтобы ослабить своих возможных противников путем обострения взаимных противоречий между ними и «революционизировать» их восточные колонии с помощью панисламистской пропаганды, взаимодействуя при этом, прежде всего, с Османской империей, взявшей на себя роль халифата – общемусульманского духовного центра и номинального господства над всем мусульманским миром. Во время поездок Вильгельма II в Стамбул в 1889 и 1898 гг., а затем в Сирию и Палестину (1898 г.) были заложены основы продвижения Германии на мусульманский Восток и установления там германского господства. Тост, произнесенный Вильгельмом II во время торжественного обеда в Дамаске в 1898 г., превратился в легенду о том, якобы немецкий кайзер дружественно относится к исламу и мусульманам, что Германия никогда не враждовала с мусульманами и является единственным их другом среди европейских государств, большей частью враждебных мусульманам. Когда кайзер посещал в Дамаске могилу Салах-ад-дина (египетский султан в 1175–1193 гг., возглавлявший борьбу мусульман против крестоносцев), был организован торжественный обед. Один из шейхов во время посещения могилы уверял Вильгельма II в том, что он приобретает благодарность не только османов, но и воодушевленную любовь 300 млн мусульман, которые почитают халифа как духовного руководителя. Воодушевленный этими словами, кайзер произнес тост: «Пусть Его Величество султан и 300 миллионов мусульман, которые разбросаны по земле и почитают халифа, будут уверены, что немецкий кайзер будет их другом на все времена. Я пью за благо халифа Его Величества султана Абдул-Хамида» [Hopkirk, 1996, S. 43].

Позже эта речь кайзера активно использовалась пропагандой в качестве доказательства дружелюбного отношения немцев к мусульманам. Текст тоста, приведенный выше, в ходе Первой мировой войны использовался в качестве пропагандистского материала – представители МИДа способствовали тому, чтобы он был опубликован в большинстве арабских и турецких газет, кроме того он распространялся в восточных странах (в том числе и в Индии и Средней Азии) миллионными тиражами в виде яркой цветной открытки – на турецком и немецком языках [Hopkirk, 1996, S. 43]

Легенда перерастала в слухи, или же наоборот – слухи подкрепляли легенду: усилиями немецких агентов во многих мечетях и на базарах в вос-

точных странах распространялись слухи о том, что император Вильгельм тайно принял ислам, что он инкогнито совершил паломничество в Мекку и теперь его следует называть Хаджи Вильгельм Мухаммад. Некоторым мусульманским теологам «удалось» найти в Коране зашифрованные намеки на то, что император Вильгельм избран Аллахом для того, чтобы освободить правверных от владычества неверных. Имели даже место слухи о том, что все население Германии последовало примеру своего кайзера и в массовом порядке переходит в ислам [Hopkirk, 1996, S. 20–21].

Очень любопытно отметить, что с началом Первой мировой войны эта легенда (или же слухи) в измененном виде, по-видимому, получила распространение и среди мусульманского населения Европейской части России. Так, 22 апреля 1915 г. казанский генерал-губернатор дал указание Департаменту полиции расследовать, действительно ли в Казанской губернии среди татарского населения распространяются слухи о том, что кайзер Вильгельм принял ислам? И что якобы пророк Мухаммад услышал следующие слова Аллаха: «Перед окончанием мира между исламом и христианством будет великая война, и я пошлю на помощь исламу христианского царя или с востока, или с запада, который примет ислам и победит христиан». Так что, согласно этим слухам, император Вильгельм будто бы и есть тот царь с запада, который примет ислам и победит христиан. К сожалению, сохранившиеся архивные материалы не позволяют проследить, какие последствия имело указание губернатора, и насколько широко были распространены указанные слухи [НА РГ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1156а. Л. 8–10 об.]

Высокое уважение султану и всему исламскому миру «другом на все времена» Вильгельмом было официально высказано, но на деле никаких шагов к сближению с Османской империей на рубеже XIX–XX вв. Германия не сделала. Напротив, Берлин отказывался от какой-либо существенной политической поддержки Турции. К примеру, Германия осталась в стороне в 1908 г., когда Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, и вовсе не спешила оказать влияние на своего союзника в интересах турок. Примерно такая же ситуация возникла в 1911 г., когда Италия аннексировала территорию Ливии – Германия вновь дистанцировалась от событий, как будто ожидая ослабления Турции в этом конфликте [Kampen, 1968, S. 70–77; Oberhaus, 2012, S. 39].

Можно полагать, в начале XX в. Германия сама ожидала серьезных политических инициатив со стороны Османской империи и мусульманского мира в целом. Политики, ученые, военные при этом довольно внимательно отнеслись к возможному потенциалу идеологии панисламизма.

Панисламизм оформился в конце XIX в., в период колониального порабощения стран Востока европейцами как антиколониальное движение,

призывающее к сопротивлению против иностранного господства. Его основоположником считается афганский теолог Дж. Аль-Афгани, который выдвинул идею «религиозно-политического союза мусульманских народов» [Hagen, 1988, S. 26]. Этот союз должен был носить чисто религиозный характер. Однако позже он приобрел политическое значение и стал интерпретироваться как религиозно-политическое движение, в основе которого лежит представление о единстве мусульман всего мира и идея о необходимости создания единого мусульманского государства. В таком звучании панисламизм стал особенно выгоден османскому султану Абдул-Хамиду II в качестве защитной идеологии и идеологии господства, утверждавшей титул османского императора как халифа – номинального главы всех мусульман мира [Hagen, 1988, S. 26; Kampen, 1968, S. 62]. А кайзер Вильгельм II был прежде всего заинтересован в поддержке антиколониального направления в идеологии панисламизма, поэтому он и оказывал поддержку деятельности султана Абдул-Хамида в целях ослабления позиций Англии, Франции и России в их населенных мусульманами колониях. Иными словами, ислам виделся руководству Германии как идеологическая подоплека в военных, политических и дипломатических отношениях с Османской империей. Общие представления об исламе, его учении, его перспективах в Германии конца XIX – начала XX вв. были весьма примитивными, если не сказать больше: в сознании многих эта была исключительно воинственная религия, для которой были характерны «фанатизм, стремление к завоеваниям и военной добыче» [Oberhaus, 2012, S. 88].

Использование авторитета османского султана для воздействия на мусульманские массы становилось одним из приоритетных направлений немецкой восточной политики, но германским стратегам явно не хватало знаний о мусульманском Востоке. До Первой мировой войны связи Германии с мусульманами в области военно-политического сотрудничества носили эпизодичный характер и знакомство немцев с исламским миром было довольно поверхностным. Немецкое востоковедение развивалось больше как филологическая наука, а к концу XIX в. оно уже не могло отвечать интересам политики, направленной на распространение влияния германского капитала на обширные районы Европы, Азии и Африки. Это стимулировало более углубленное изучение стран мусульманского Востока и способствовало становлению немецкого исламоведения, направленного на изучение исламского мира в культурно-историческом аспекте. Еще в 1887 г. в Берлинском семинаре восточных языков началась подготовка переводчиков для Министерства иностранных дел. В 1908 г. был создан семинар истории и культуры Ближнего Востока, через 2 года при семинаре началось издание журнала *Der Islam* («Ислам») [Islamkunde und Islamwissenschaft, 1992, S. 12].

В 1912 г. Общество исламоведения в Берлине начало издавать журнал *Die Welt des Islams* («Мир ислама»). Основателем современного немецкого исламоведения стал К.Х. Беккер, который в 1908 г. начал преподавать культуру восточных народов в Гамбурге [Müller, 1991; Wende, 1959]. При содействии кайзера Вильгельма II в 1912 г. в Берлине была создана Комиссия по Востоку (*Orientalische Kommission*), которая позже стала Институтом ориенталистики и африканистики Берлинской академии наук [Schwanitz, 2004]. Перед всеми этими научными учреждениями в первую очередь была поставлена задача подготовки кадров, которые будут служить интересам Германии на Востоке. Одну из важных ролей при этом должны были выполнять лица, владеющие языковыми и прочими необходимыми базовыми знаниями об исламе и о мусульманских народах, наблюдая и изучая ситуацию непосредственно на местах и информируя Министерство иностранных дел Германии о событиях и движениях среди мусульман. Среди таковых особую активность проявил немецкий дипломат Макс фон Оппенхайм, автор упомянутой выше идеи «революционизации» мусульманского мира [Kreutzer, 2012; Oberhaus, 2012, S. 46–63; Schwanitz, 2004a].

Макс фон Оппенхайм был уверен, что при помощи «джихада» можно поднять мусульманский мир против иностранного господства. Вероятно, не лишним будет упомянуть здесь и тот факт, что идею «джихада» в интересах Германии и связанной с ним «революционизации» мусульманского мира Макс фон Оппенхайм вынашивал довольно длительное время. Еще в 1898 г., когда он находился на дипломатической службе в Каире, он составил довольно пространную информационную записку, направленную затем в МИД, под названием «Панисламистское движение». Именно с этого документа, насыщенного фантазиями и домыслами, по мнению некоторых историков и берет начало германская политика «революционизации» мусульман [Hagen, 1988, S. 31; McCale, 1997, p. 201; Schwanitz, 1994, S. 29]. Позволим себе привести довольно пространную цитату, настолько она выпукло и ясно представляет, чего же ждали немецкие дипломаты, политики и военные от «священной войны». Вот что дипломат писал о «джихаде»: «Джихад, священная война против неверных, на протяжении времени изменил свою сущность, в настоящее время ему приписывают вместо чисто агрессивного, что было характерно для него раньше, более оборонительный характер. И сегодня его последствия рассчитать трудно, если раздастся призыв, следуя которому мусульманские народы надлежащим образом будут готовиться. Даже не объявляя джихада, константинопольский султан в последней войне с Россией получал из всех мусульманских стран денежные пожертвования и добровольцев. (...) Мусульманский мир уже очень давно перестал быть единым государством, но панисламистская идея всегда сохранялась и со-

хранится в дальнейшем. С давних времен из Константинополя начиналось своего рода панисламистское движение. Чрезвычайно умело и с большой энергией сегодняшний султан взял его в свои руки. Более чем когда-либо всем мусульманским миром султан воспринимается сейчас как самый могущественный мусульманский правитель, как господин и защитник святых городов. Если же он выступит в качестве непосредственного противника какой-либо державы и покажется не слишком опасным, то в борьбе против державы, у которой имеется немало мусульманских подданных, он мог бы быть для нас ценным союзником. Примечательно, насколько большим почтением среди мусульманских народов пользуется в настоящее время Германия, которая показала себя как друг султана еще тогда, когда он был в бедственном положении» [цит. по: Oberhaus, 2012, S. 95].

11 ноября 1914 г. султан Мехмед Решад V обратился с воззванием к «моей армии и моему флоту», призвав их защитить страну от неожиданного нападения врага, обвинив в вероломстве в первую очередь Россию, которую затем поддержали ее союзники Англия и Франция. Согласно воззванию, только «из-за этих преступлений, последовавших одно за другим и позволяющих явственно увидеть враждебность ненавистных преступников, мы были вынуждены прервать мир, к которому мы издавна стремились, и призвать к оружию, чтобы защитить наши легитимные интересы в полном согласии с Германией и Австро-Венгрией». Султан подчеркнул в обращении, что «с помощью величайшего джихада, в авангарде которого мы выступаем, мы поставим конец всем нападениям и вмешательствам, задевающим честь нашего калифата и права нашего султаната, и они никогда более не повторятся!» Он призывал своих подчиненных: «Нападайте на врага, как львы, потому что существование и жизнь нашей державы, как и существование 300 миллионов мусульман, которых на основании правовых норм мы призвали к величайшему джихаду, зависит от вашей победы». В тексте обращения ни разу не употребляется выражение «неверные», и султан не призывает абстрактно к борьбе против всех христиан. И в заключении довольно-таки объемного воззвания подчеркивается вновь, что Османская империя, ведущая справедливую борьбу против врагов ислама, опирается по всемерную поддержку своих союзников Германии и Австро-Венгрии: «Я уверен, что мы закончим этот джихад как авторитетная и мощная держава, исправившая ошибки предшественников. И не забывайте, что, взяв в руки оружие в настоящей войне, вы являетесь товарищами двух армий, с которыми мы боремся вместе и которые являются самыми мужественными, самыми лучшими и самыми сильными армиями в мире» [см. текст воззвания: Hagen, 1988, S. 55–58].

«Джихад» в общем понимании означает борьбу в защиту и за распространение ислама, хотя дословно это понятие переводится как «напряжен-

ное стремление к достижению цели», причем исключительно в положительном смысле, и не имеет никакого милитаристского, тем более агрессивного смысла. И все же в своем «классическом» значении это понятие употребляется как «борьба против неверных» вне мусульманского мира в так называемых областях военных действий («дар ал-харб») или как «борьба против отступников». Разрешенными считаются при ведении «джихада» как наступательные войны, которые должны способствовать распространению ислама, а также чисто оборонительные войны с целью сохранения «исламского мира, исламских областей» («дар ал-ислам»). Собственно говоря, согласно учению ислама, мусульмане не должны вести вообще иных войн, кроме «джихада», а вооруженное противостояние внутри мусульманского сообщества вообще не соответствует канонам религии. Если же вести речь о «священной войне против неверных» как одном из основных предписаний ислама, то следует учитывать, что в данном случае речь может идти не об индивидуальной («фарз 'айн»), а коллективной («фарз кифай») обязанности, которая к тому же должна быть воспринята достаточно большим числом правоверных мусульман [Peters, 1979, p. 10–12].

Итак, османский султан-халиф призвал всех мусульман к «джихаду» в защиту халифата от христианского наступления. При этом следовало подчеркнуть особый характер этого «джихада», направленного не вообще против всех неверных, а только против группы держав, а именно – Англии, Франции и России. Почти сразу после вступления Турции в войну, к концу октября 1914 г., т. е. еще до объявления султаном «священной войны», религиозный деятель из ближайшего окружения Энвера-паши – шейх Салих Шериф ат-Туниси написал меморандум *Haqiqat Al-Dschihad* («Правда о джихаде») в качестве обоснования предстоящего объявления «джихада» [Swanitz, 2003, S.13]. Немецкое общество исламоведения опубликовало этот меморандум в феврале 1915 г. в виде брошюры в переводе на немецкий язык с предисловием Мартина Хартманна [Attunisi, 1915]. Ат-Туниси интерпретировал учение о «джихаде» как антиколониальное. Врагами ислама являются не все не мусульмане, разъяснял он, а только те, «кто борется против» ислама.

При провозглашении «джихада» публика должна была видеть, что германский кайзер, неоднократно заявлявший о том, что он является сторонником целостности Османской империи и защитником Ислама, не забывает своих обещаний, и убедиться, что все мусульмане мира встанут на защиту ислама от христианского натиска. Особую значимость для агитаторов «джихада» представляли мусульмане, оказавшиеся в плену на территории Германии и Австро-Венгрии. Их количество росло неожиданно быстрыми темпами и внушало большие надежды на успех «священной войны». В Гер-

мании были образованы по крайней мере два специальных лагеря для мусульман, которые должны были служить местом концентрации фанатичных и глубоко верующих военнопленных, собранных из всех лагерей Германии. Они были размещены в окрестностях Берлина (Вайнбергский лагерь и Лагерь Полумесяца между городами Цоссен и Вюнсдорф), где были созданы благоприятные условия для более эффективного восприятия агитации военнопленными. В одном из таких лагерей, Лагере на Виноградной горе (Вайнбергский лагерь), были сконцентрированы российские мусульмане. Воздействуя на них всевозможными агитационными средствами, немецкие власти планировали создать добровольческие военные формирования с целью их последующего присоединения к турецкой армии. Рассматривался и другой вариант использования добровольцев: отправить их на фронт для ведения агитации по привлечению к «джихаду» соотечественников, воевавших на стороне Антанты [см. об этих лагерях: Гилязов, Гатауллина, 2014].

Пропагандистская кампания, развернувшаяся с большим размахом, не могла остаться незамеченной ученым миром самой Германии и Европы в целом. В первый год войны и немного позже появилось множество публикаций и книг немецких авторов, как, например, Готтфрид Галли [Galli, 1915], Губерт Гримме [Grimme, 1915], Йозеф Колер [Kohler, 1915], Ричард Шефер [Schäfer, 1915] и Рудольф Тчуди [Tschudi, 1914], которые в общем и целом служили целям официальной пропаганды и представляли собой более или менее квалифицированные суждения авторов, в общем рассуждавших об учении ислама и о «священной войне». Какой-либо серьезной и обоснованной критики исламской политики Германии мы в этих публикациях не встречаем. Действовавшая в стране цензура, видимо, не допускала выхода резкой критики на публику. Хотя некоторые из авторов все-таки выпускали критические стрелы в адрес официально проводимой политики. Немецкий востоковед Георг Кампфмайер, например, обвинял организаторов «джихада» в поспешности, критиковал необдуманность их решений, имевших, по его мнению, довольно поверхностные представления об исламских государствах. Кампфмайер не высказывался собственно против «джихада», но его суждения не допускают сомнения в том, что он считал напрасным приложение каких-либо усилий для «джихада» по меньшей мере в Северной Африке [Kampfmeier, 1915, S. 45].

Выражение «Джихад, сделанный в Германии», породившее в 1915 г. на страницах журналов острую дискуссию вокруг немецкой стратегии провоцирования антиколониальных восстаний в странах Антанты, берет свое начало с публикации голландского востоковеда профессора Лейденского университета Кристиана Снук-Хургронье [Snouck Hurgronje, 1915]. Ученый подверг острой критике германскую кампанию «джихада», обвиняя

немецких стратегов в эгоизме, злоупотреблении чувствами мусульман, и с иронией заметил, что даже некоторые ученые-исламоведы начали служить политике. Своего немецкого коллегу К.Г. Беккера, привлеченного к сотрудничеству по пропаганде «джихада», а также другого немецкого востоковеда – Мартина Хартманна – он упрекнул в измене своим научным убеждениям. Голландскому ученому, а в условиях войны – представителю нейтральной страны – в свою очередь с нескрываемым гневом ответил Беккер [Becker, 1915]. Всеми допустимыми и недопустимыми средствами, в том числе и посредством ответного нападения на оппонента, он пытался доказать правомерность немецкой исламской политики. Так началось обсуждение между двумя учеными теоретических и практических аспектов немецко-турецкого «джихада», вышедшее далеко за рамки науки.

Вся компания по пропаганде «джихада» среди мусульманских военнопленных оказалась полностью утопической – попытки масштабного привлечения мусульманских военнопленных, размещенных на территории Германии, к участию в «джихаде» оказались тщетными. И сравнительно быстро, уже в ходе войны германская военная и политическая верхушка явственно охладела по отношению к идее «священной войны» [Гилязов, Гатауллина, 2014, с. 276–281].

Опыт Германии в годы Первой мировой войны по привлечению на свою сторону мусульманских военнопленных стал фактически первым в мировой истории шагом в деле масштабного использования религиозного фактора в военных и политических целях, причем государством, для которого используемая религия была в каком-то смысле чуждой, нетрадиционной. Это, бесспорно, такой исторический опыт, актуальность осознания которого, безусловно, очень высока и сегодня. Привлекая мусульман на свою сторону, Германия пыталась решить сразу две задачи: 1) использовать идеологический потенциал ислама и расколоть вражеский лагерь именно на идеологической основе, учитывая, что многие из мусульманских народов того времени находились под колониальным господством нескольких государств, прежде всего Англии, Франции и России; 2) «перетянуть» тысячи мусульман, оказавшихся в германском плену, на свою сторону и использовать их уже в качестве военной силы, в качестве своего рода катализатора восстаний колониальных народов, их «революционизации».

Решение этих задач вольно или невольно привело к необходимости научного понимания учения ислама, выяснения, насколько эффективен может быть исламский фактор в условиях военного и политического противостояния с другими государствами, т. е. это дало толчок исследованию исламского фактора, мусульманской идеологии и изучению связанного с ним национального вопроса. Впоследствии, в 20–30-е гг., когда политическая ситуация

в мире изменилась кардинально, это и предопределило тот факт, что именно немецкая историческая и политическая наука практически впервые в мире обратилась к исследованию проблем идеологической борьбы и роли межнациональных отношений, прежде всего, в СССР, таким образом, именно в Германии в результате было положено начало так называемой советологии [см. например: von Mende, 1936].

Литература

- Attunisi S.A.* Die Wahrheit über den Glaubenskrieg / S.A. Attunisi. – Berlin, 1915.
- Becker C.H.* Deutschland und der Heilige Krieg / C.H. Becker // Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik. – 1915. – 9. – S. 631–662.
- Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918 / F. Fischer. – Düsseldorf, 1961.
- Fröhlich M.* Von Konfrontation und Koexistenz. Die deutsch-englischen Kolonialbeziehungen in Afrika zwischen 1884 und 1914 / M. Fröhlich. – Bochum, 1990.
- Galli G.* Dschihad. Der Heilige Krieg des Islams und seine Bedeutung im Weltkriege unter besonderer Berücksichtigung der Interessen Deutschlands / G. Galli. – Freiburg/Br, 1915.
- Grimme H.* Islam und Weltkrieg / H. Grimme. – Münster, 1915.
- Hagen G.* Die Türkei im Ersten Weltkrieg. Flugblätter und Flugschriften in arabischer, persischer und osmanisch-türkischer Sprache aus einer Sammlung der Universitätsbibliothek Heidelberg / G. Hagen. – Frankfurt a. M., 1988.
- Hopkirk P.* Östlich von Konstantinopel. Kaiser Wilhelms Heiliger Krieg um die Macht im Orient, Wien / P. Hopkirk. – München, 1996.
- Islamkunde und Islamwissenschaft im Deutschen Kaiserreich (1992), der Briefwechsel zwischen Carl Heinrich Becker und Martin Hartmann (1900–1918), eingeleitet und herausgegeben von Ludmila Hanisch, Leiden.
- Kampen W.* Studien zur deutschen Türkeipolitik in der Zeit Wilhelm II / W. Kampen. – Kiel, 1968.
- Kampfmeier G.* Deutschland im Bunde mit dem Islam und die Aussichten des gemeinsamen Kampfes gegen England und Russland / G. Kampfmeier // Die Vernichtung der englischen Weltmacht und des russischen Zarismus durch den Dreibund und den Islam. – Berlin, 1915.
- Kohler J.* Der heilige Krieg / J. Kohler. – Berlin, 1915.
- Kreutzer S.* Dschihad für den deutschen Kaiser: Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918) / S. Kreutzer. – Graz, 2012.
- Kröger M.* Revolution als Programm. Ziele und Realität der deutschen Orientpolitik im Ersten Weltkrieg / M. Kröger // Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse. – München, 1994. – S. 366–391.
- McCale D.* The Kaiser's Spy: Max von Oppenheim and the Anglo-German Rivalry before and during the First World War / D. McCale // European History Quarterly. – 1997. – Vol. XXVII. – P. 199–219.
- von Mende G.* Der nationale Kampf der Rußlandtürken. Ein Beitrag zur nationalen Frage in der Sowjetunion / G. von Mende. – Berlin, 1936.

Müller G. Weltpolitische Bildung und akademische Reform. Carl Heinrich Beckers Wissenschafts- und Hochschulpolitik 1908–1930 / G. Müller. – Köln, 1991.

Oberhaus S. Zum wilden Aufstanden entflammen. Die deutsche Propagandastrategie für den Orient im Ersten Weltkrieg am Beispiel Ägypten, VDM Verlag Dr. Müller. – 2012.

Peters R. Islam and Colonialism. The Doctrin of Jihad in Modern History / R. Peters. – Amsterdam, 1979.

Schäfer R. Islam und Weltkrieg / R. Schäfer. – Leipzig, 1915.

Schwanitz W.G. Jihad “Made in Germany“: Der Streit um den Heiligen Krieg 1914–1915 / W.G. Schwanitz // Sozial. Geschichte. – 2003. – 18. – S. 7–34.

Schwanitz W.G. Paschas, Politiker und Paradigmen: Deutsche Politik im Nahen und Mittleren Osten 1871 bis 1945 / W.G. Schwanitz // Comparativ. Leipziger Beiträge zur Universalgeschichte und vergleichenden Gesellschaftsforschung, 2004. – Heft 1. – S. 22–45.

Schwanitz W. Die Berliner Djihadisierung des Islam. Wie Max von Oppenheim die islamische Revolution schürte, Konrad-Adenauer-Stiftung Auslandsinformationen. – 2004a. – 10. – S. 17–37.

Snouck Hurgronje C. The Holy War Made in Germany, New York, London / C. Snouck Hurgronje. – 1915.

Tschudi R. Der Islam und der Krieg / R. Tschudi. – Hamburg, 1914.

Wende E. Mensch und Politiker. Ein biographischer Beitrag zur Kulturgeschichte der Weimarer Republik / E. Wende, C.H. Becker. – Stuttgart, 1959.

Гилязов И.А. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны / И.А. Гилязов, Л.Р. Гагауллина. – Казань, 2014.

Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX – начало XX в.) / С.М. Иванов. – СПб., 2005.

Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторический очерк / Ю.А. Петросян. – М., 1990.